

Проектная инициатива в рамках
проекта концепции
развития системы
дополнительного образования
«Файлы Будущего:
Дополнительное к
дополнительному»

Как попасть во временность

или попытка работы
с самоопределением





Шалимов Дмитрий Константинович

Методист Центра творческого развития и гуманитарного образования, руководитель группы разработчиков проекта концепции развития системы дополнительного образования «Файлы Будущего: Дополнительное к дополнительному»



Мартынов Владимир Иванович

Композитор, мыслитель, писатель, историк, знаток древней и современной музыки, один из основателей Центра развития и поддержки новой музыки Devotio Moderna. С 2003 года Мартынов активно занялся мультимедийными проектами и инсталляциями, осуществил ряд проектов с Д. Приговым, Л. Рубинштейном, а также рок-группой АукцЫон, Л. Фёдоровым.

ПРЕАМБУЛА

В предлагаемом ниже тексте осуществлена попытка наметить формат претензии на образовательную программу (только – вводная часть) в рамках проекта концепции развития системы дополнительного образования «Файлы Будущего: Дополнительное к дополнительному».

Те концептуальные рамки и представления, которые здесь заявлены, претендуют на ту степень как новизны и оригинальности, так и опыта и традиции, которая позволяет увидеть и усвоить дополнительное образование как единым комплексом, так и с разных понятийно оформляемых сторон:

- со стороны образовательного и духовного странничества;
- со стороны оформляющего в сценарий авторского действия;
- со стороны посредничества;
- со стороны представленности мира культуры в институциональных формах (на предметном материале «литература» и «музыка»).

Для нас в данном контексте уместно высказывание ректора Московской высшей школы социальных и экономических наук С.Э. Зуева: **для того, чтобы работать с деятельностью, надо уметь играть со знаком.** Технологии современных гуманитарных трендов очень часто строятся на неожиданных знаковых и символических включениях. В предлагаемом ниже тексте таким трендом является культурологический и педагогический опыт В.И. Мартынова, одного из самых известных современных отечественных композиторов.

С 2005 года В. Мартынов ведёт авторский (факультативный) курс музыкальной антропологии на философском факультете МГУ, Лауреат Государственной премии (2003). Преподает в духовной академии Троице-Сергиевой Лавры (с 1979 по сей день). Занимается расшифровкой и реставрацией памятников древнерусского богослужебного пения, изучением древних певческих рукописей в ряде монастырей. Создает музыку для богослужения по древним канонам.

Крупнейшие произведения: «Come in!», Плач Иеремии, Апо-

калиписис, Ночь в Галиции, Манификат, Реквием, Упражнения и танцы Гвидо. Занимается литературной деятельностью, издает книги (издано 4 монографии), статьи религиозно-философского и историко-культурологического направления.

Таким образом, пространство самоопределения в культуре и социуме приобретает наполненный знаково-символическим, т.е. культурно-сообразным и в пределе глубоко современным содержанием креативный смысл: когда вы в знакомом, известном и традиционном видите новые смыслы, возобновляя и поддерживая этим саму традицию или традиционную практику. **Этот подход и такого рода целевые ориентиры и должны стать для нас, горожан современного города-миллионника и субъектов образовательного процесса, новым содержанием дополнительного образования.**

ПРЕДЕЛЬНЫЕ ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Выдающийся российский методолог, философ, создавший несколько теорий в гуманитарных науках, Георгий Петрович Щедровицкий, для того, чтобы показать важность для человека мышления и рефлексии, всегда приводил пример с бароном Мюнхгаузеном, вытаскивающим себя вместе с конём из болота за волосы. **Мышлением необходимо заниматься потому, что на основе этого духовного процесса человек может спастись** – банально бытовым образом, попав в определённую передрыгю, и духовно религиозно. Человек может осознать, куда он попал, и осуществить правильные действия по разрешению данной ситуации. (Человек, выбираясь из возникшей ситуации, может поставить запредельные вопросы религиозного спасения и бессмертия.)

Таким образом, в своей основе мышление (в предложенной здесь интерпретации) чем-то напоминает песенный дар В.С. Высоцкого, который в своих песнях прожил множество профессиональных жизней, превращая чужой профессиональный опыт в среды опыта, открытые для при-



« Проблема состояния литературы, ее настоящего и будущего остается и поныне совершенно неотрефлексированной в литературной среде. »

сутствия и участия его собственного сознания. Внутри многих из этих профессиональных жизней В.С. Высоцкий для осмысления и творческого проживания выделял предельные ситуации, которые требовали от него самого некоторой **ситуации возвышения над самим собой**, антропологического трансцендирования. Эти предельные ситуации масштабом своего интенсивного проживания задавали возможность осмыслить и понять обычные массовые случаи.

КОНТЕКСТЫ

В 2002 году Владимир Мартынов, будучи одним из самых известных и самых востребованных современных композиторов, издал книгу «Конец времени композиторов». Позже Петр Поспелов, российский музыкальный критик, журналист и композитор, напишет: «Эффект, который произвела эта книга, сложно передать словами. Коллеги, завидев Мартынова, стали переходить на другую сторону улицы. Окончательно он добил их книгой «Зона Opus Posth, или Рождение новой реальности» (2005) – венчала ее систематическая таблица, в которой развитие музыки соотносено с изменениями ролей каст в Индии и даже с последовательными выходами на

сцену четырех всадников Апокалипсиса».

Но вот парадокс: именно художник, добившийся успеха и не страдающий, казалось бы, от невостребованности, острее других ощущает кризис того рода искусства, которому отдал жизнь. **Малевич говорит о конце живописи** (а с другим настроением и нельзя написать «Черный квадрат») – и в конечном счете оказывается прав, увидев приметы агонии в том, что иные принимали за расцвет.

Питер Гринуэй твердит и твердит о смерти кино, и это, похоже, не уловка великого провокатора, но мироощущение мастера, столкнувшегося с исчерпанностью выразительных средств кинематографа, которые он так смело расширял. И только профессиональные писатели исполнены веры в незыблемость своего дела и величие собственной миссии. «Русский писатель – это навсегда», – гордо заявил как-то автор неплохих, но чрезмерно захваленных книг, не желая видеть, что их время уже прошло.

Почему обесценивается слово? Обратим ли этот процесс? Носит ли он национальный или общемировой характер? Есть ли в этом вина самой литературы? Можно ли слово вообще заменить кар-

тинкой, видеорядом, что отчасти мы наблюдаем, стыдливо одобряя экранизации классики, поскольку, дескать, таким путем она приходит к массовому зрителю, в прошлом – читателю? Каковы должны быть **стратегии литературы в кризисный период?** Эти и еще многие вопросы возникают сами собой.

Проблема состояния литературы, ее настоящего и будущего остается и поныне совершенно неотрефлексированной в литературной среде. Трудно даже вообразить писателя, который мог бы поставить вопрос о судьбе литературы столь же бескомпромиссно и остро, как Мартынов поставил вопрос о судьбе Opus-музыки. Для музыкального авангардизма характерен разрыв с традицией музыкальных произведений; оно заменяется «открытой формой», «событием», «акцией». В наши дни музыкальное произведение как индивидуальная целостность зачастую распадается в стереотипном, «конвейерном» производстве опусов, представляющих массовую музыкальную культуру (Шлягер).

Ключом к пониманию литературных процессов Мартынов объявляет проблему взаимоотношений **автора, текста и социума**. Принято считать XIX век золотым

веком русской литературы (хотя никто не может толком сказать, когда он кончился), именуя серебряным краткий период XX века до революции (или даже до начала Первой мировой войны).

Золотой век – это время, когда автор и социум существовали в некоей гармонии.

В серебряном веке между ними возникает трещина: автор уже не стремится быть понятным социумом, а социум подозревает автора в создании нарочито непонятных текстов, особенно это заметно в парадигме авангарда.

Мифологема золотого века, однако, также предполагает наличие века бронзового и железного, хотя к этому образу и не любят прибегать литераторы, мысля себя навечно задержавшимися в одном из более привлекательных веков.

В период **бронзового века** (его Мартынов размещает между революцией и смертью Сталина) не автор эпатирует социум, а «социум в лице тоталитарного режима репрессировывает автора, и его текст». Орудием же мести, по Мартынову, выступает тот тип взаимоотношений автора, текста и социума, олицетворяя который было поручено Пушкину. Этот тезис остроумно объясняет, почему знаменитая фраза Аполлона Григорьева «Пушкин – наше всё» (напомним, произнесенная в 1859 году, когда величие Пушкина было еще не очевидно обществу) приобрела совершенно другой смысл в 30-х годах XX века. Культ Пушкина стал орудием подавления «Введенского, Хармса, Клюева, Мандельштама и всех тех, кто не подходил под это «всё».

Железный же век (который, по Мартынову, начался со смертью Сталина) порождает иллюзию нового единого литературного пространства, что приводит к воодушевлению читателей и слушателей Евтушенко, Вознесенского и Окуджавы. Однако скоро выясняется, что эта ситуация является «слабым воспроизведением уже давно существующих моделей и уже давно отработанных литературных жестов».

Собственный же тип взаимоотношений автора, текста и социума оказался сформулирован только **московским концептуализмом**

(Илья Кабаков, Дмитрий Александрович Пригов, Лев Рубинштейн, Тимур Кибиров) подвергшим критике любое прямое высказывание, будь оно официальным или диссидентским. «Литература перестает быть живым смыслообразующим пространством <...> и превращается в некую культурную рутину, производящую лишь симулякры литературных текстов. И хотя после этого момента тексты отнюдь не перестают создаваться и потребляться, <...> именно этот момент я связываю с концом времени литературы», – резюмирует Мартынов.

Проект Андрея Орловского «Живые поэты» (Живые поэты. – Москва: Издательство «Э», 2018) подтверждает этот тезис: настоящему поэту можно все – игнорировать правила языка, поднимать болезненные и неудобные темы, писать о них, используя любую лексику. **Конец времени русской литературы можно доказать, исходя из исчерпанности типов отношений автора, текста и социума.**

Параметры кристалла русской литературы можно очертить всего четырьмя модификациями: это –

- «классическое высказывание эпохи золотого века;
- авангардистское высказывание эпохи серебряного века;
- обэриутское высказывание эпохи бронзового века;
- концептуалистическое высказывание эпохи железного века».

Конечно, классический историк литературы не примет этой схемы, потому что в нее не укладывается все богатство литературной практики.

Нынешнее время (не наше, а время пока термина) Мартынов определяет как «зрелищцентризм» или «шоуцентризм».

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ОБЩЕМ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Инициация процесса самоопределения, создания условий для его генезиса в противоположность идентичности как готовой вещи имеет огромное значение для образования нового поколения граждан России.

Так, например, если преподавать историю русской революции в

рамках школьного курса отечественной истории (что на самом деле произошло в России в 1917 году?), очень важно создать специальные условия для работы с самоопределением. Подобное многолетнее исследование генезиса процессов самоопределения на материале специально разработанной программы в рамках метапредмета «Проблема», было проведено лингвистом и литературоведом, специалистом по русскому языку как иностранному О.И. Глазуновой.

Так, в истории русской революции мы имеем **три совершенно разных позиции** с их собственным отношением к событию и собственным пониманием события. Это либералы, монархисты и социал-демократы (большевики). Эти три позиции опираются на совершенно разную историософию (философию истории) в трактовке этого события и вводят совершенно разные названия одного и того же события (в нашем случае эти позиции заданы через концепцию золотого, серебряного, бронзового и железного веков).

Либералы называют это событие переворотом, монархисты связывают это событие с заговором, а большевики с революцией. Для того, чтобы инициировать процесс самоопределения по отношению к столь сложному предмету, необходимо было сконструировать специальную проблемную ситуацию в рамках метапредмета проблемы, когда учащиеся должны были прочесть оригинальные тексты социальных мыслителей и очевидцев этих событий, а не только пересказ чужих точек зрения авторами учебника. Затем они должны были выработать понимание точки зрения каждой из позиций участников процесса русской революции, а затем предложить свою собственную позицию к данному событию. Данная работа была организована О.И. Глазуновой, командой учащихся и командой учителей таким образом, что было необходимо коммуницировать друг с другом и оценивать различные отношения и понимания данного события, предлагавшиеся участниками образовательной ситуации. В этой

невероятно сложной ситуации выработка собственной позиции для учащегося предполагает, прежде всего, выявление **собственного голоса** в ситуации по поводу данного события в ансамбле голосов различных участников. Обретение и обнаружение собственного голоса не может быть сведено просто к освоению готового образца поведения или действия, внешнего влияния на основе внутренних условий. Внешнее – внутреннее / освоение – приобретение предполагает существование чего-либо в ситуации: что может быть трансформировано, но предполагается, что это в той или иной форме уже существовало. Но в ситуации потревоженных обществ, потревоженных общностей и несформированной идентичности сначала необходимо создать голос – сознание должно быть открыто для новых возможностей.

огромно. Если ты будешь служить мышлению, превратишь себя в его инструмент, оно переплавит, переделает тебя. Здесь момент забвения себя, отказа от самости действует с невероятной силой, как в никакой другой области. И он прямо противоположен преодолению стадности и связан с заявлением своей позиции, своих ценностей, своего отличия от других в общественно-культурном пространстве. Пройдя через смирение и став инструментом мышления, ты обретёшь многое – если, конечно, это удастся – ты сможешь стать мыслесообразен, светозарен и прозрачен. **Введение в традицию мышления равнозначно идее спасения.** Поэтому память о своих духовных учителях – это важнейший акт вечного поклонения и верности тому духовному делу, которому служишь.

Дело человека – мыслить.

Тут перед нами впервые возникает проблема: **можно ли обучать способу жизни?**

У Шиллера был один рискованный тезис, который Маркс несколько раз повторил с большим одобрением. Шиллер писал, что подлинно человеческая деятельность – это игра, и человек существует как человек, только когда он играет. Маркс довел этот тезис до предела. Он сказал, что труд не есть человеческая деятельность. В труде человека потребляют. **Подлинные человеческие виды деятельности** – это свободные занятия политикой, искусством, наукой – как игрой. Там формируются подлинные человеческие сущностные силы. Для нас этот тезис звучит несколько странно. Мы привыкли говорить, что труд формирует человека. Маркс был определен-

« Приобретение учителя, который может продемонстрировать формы практикования мышления, – это всегда счастливое событие для любого ученика. »

Здесь нет ничего, что можно было бы осваивать или имитировать. **Первоначально необходимо выявить собственный голос.** В подобной ситуации эта возможность обретения собственного голоса – собственного понимания очень сходна с диалогом души с самой собой – так Сократ называл диалектику. Сознание существует в подобной ситуации с самого начала в контексте коллективности, где предполагается, что участник ситуации может быть понят и услышан. Но он должен вытерпеть и выдержать испытание ничего не имитировать и не повторять. Необходимо первоначально породить собственный голос.

Поэтому приобретение учителя (в данном случае имеется в виду В.И. Мартынов), который может продемонстрировать **формы практикования мышления**, – это всегда счастливое событие для любого ученика, которому удалось найти учителя, духовного наставника, лидера. Счастье встречи с мышлением как реальной духовной практикой, энергичными токами, движущимися сквозь историю,

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Как мы готовим следующее поколение? Так, чтобы они были как можно больше похожи на нас! Чтобы они знали то же самое, что мы, хотели того же самого, что мы, делали то же самое, что мы – вот таким образом мы их изготавливаем. Если они выламываются, мы их с помощью разных организаций и социальных институтов сильно наказываем... Вот, наконец, мы их обтесали, изготовили, такими они и будут входить сюда, в будущую ситуацию.

И, как показывает опыт, они уже больше не способны ни к чему – ни нового выдумать, ни какое-то новое, оригинальное решение реализовать; они уже все такие вот солдатики, способные только функционировать.

Сегодня человек должен мыслить программно и проектно. Человек не робот, он имеет другое употребление; самое ценное, что у нас есть, это наш интеллектуальный потенциал. И производя рутинную работу, мы его уничтожаем; это есть использование людей не по назначению.

но другого взгляда на этот счет. И, вероятно, он не ошибался.

В этом основной пафос предлагаемой выше заявки-инициативы.

Организационная форма данного проекта может быть осуществлена по типу «Академии социального действия» (возможны другие варианты, гуманитарный инструментальный инфраструктуры детства довольно широк). Формирование действия и обсуждение условий его реализации осуществляется в форме специальных занятий. В рамках данного проекта предполагается, что ребенок может наметить целый ряд важных для него тем в предлагаемом контексте, проанализировать ситуацию и предложить социальный проект изменения ситуации в важном для него направлении. Выдвижение проекта, его критика и уточнение замысла может осуществляться в нескольких тактах работы. Прошедший через несколько этапов уточнений и критики социальный проект может выноситься на переговорную площадку и экспертно-общественные слушания.